

* * *

Над Россией, стена в голос,
В небе мечется птичий клин.
Косит жатву Холера Морбус...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Просыпается бодр и весел,
И здоров. Ай — да, сукин сын! —
Отправляет письмо невесте...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

В том письме свой поклон для тёщи
Шлёт, как истовый семьянин.
Облетает лучинник в роще...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Он работает, как вельможа,
Презирая тоску и сплин.
Сочиняет и пишет лёжа...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Что задумано между строчек,
Знает в мире лишь он один
Да крылатый искристый росчерк...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Дописав свой шедевр до точки,
Сей сиятельный господин
С визгом плещется в банной бочке...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

На коне златогривом скачет
Вдоль родных золотых куртин.
И восторга любви не прячет...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

* * *

В этом мире Праздник Солнца
Миллиарды зим и лет.
И к чему ни прикоснёшься —
От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
Неба солнечная твердь.
И не надо быть поэтом,
Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
Небо плещет синевой.
Перемальвает вечность
Солнца жёрных огневой.

На поля, луга и ельник,
На польнь и бересклет
Бородатый сеет мельник
Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
Для земных насущных треб
Божьей волею печётся
Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел.
И блажен из века в век.
В этом мире, что он смертен,
Знает только человек.

Отчего ж стою печальный
Светом солнечным сражён?
Оттого, что — гость случайный
Я на празднике чужом.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё —
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

* * *

Рванул из отчих берегов
К небесной славе.
А мне завистливых врагов
Своих оставил.

Мои враги — не слабаки.
Твои — покруче.
Мне отмахнуться не с руки.
Беру — до кучи!

Как твоему ученику,
Куда мне деться?
Вторую подставляй щеку —
Не отвертеться!

Теперь по обе щеки бит,
Как по Писаньям.
И, может, стану знаменит
Врагов стараньем.

Отныне с двух идут сторон
Ко мне напасти...
Учитель, мой тебе поклон!
Спасибо, Мастер!

* * *

Русь взрастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю — ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня,
но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил себе в жизни я, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну,
но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастать будет
русский народ.

* * *

Это дерево лежало
На пригорке до поры.
Это дерево сбежало
В параллельные миры.

По его древесной плоти
Было врезано в ребро
Дорогое имя «МОТЯ»,
Словно царское тавро.

Эту тёмную лесину
Дед на досточки расшил.
И в глухую домовину
Бабу Мотю уложил.

Обронил слезинку скупю.
И сказал: «Прощай — прости!
Вот тебе, Матрёна, ступа.
Бог — судья тебе. Лети...

Пусть земля во мгле согреет
Белы косточки твои.
Это дерево не тлеет.
Это дерево любви.

В райской куще золотистой,
В Божьем радужном саду
По зарубочке лучистой
Это дерево найду!

В его кроне негасимой
Не гнездились вороньё.
Это дерево носило
Имя звонкое твоё.

Ты сама его сажала
В ранней юности, весной.
...Это дерево сбежало.
За тобою в мир иной».

* * *

Вышел и бросил стихи на дорогу.
Видно, пришёл их черёд.
Или же черт на ходу сломит ногу.
Или же Бог подберёт.

Бог не торопится. Черт догоняет.
Все же решился настичь.

Глазки прищурил, лукаво пеняет:
«Вы обронули кирпич.

Ежели так станет, походя, каждый
Всякий разбрасывать хлам...
А уверяли доверчивых граждан,
Что строить будете храм».

Господи! Что он ко мне привязался?
Я никогда не любил
Этих досужих, премудрых мерзавцев —
Парнокопытных дебил.

Боже, избави от этого срама.
Всем, чем могу, услужу.
В стену небесного вечного храма
Скромно кирпич возложу.

Пусть он в сверкающей кладке лучистой
Грозной восстанет стеной
Против пронырливой силы нечистой
Этот кирпич именной.

* * *

Вячеславу Лютому

Покуда звуки лютни
Душе твоей слышны,
Нам никакие плутни
От веку не страшны.

А лютики — цветочки
Лазурно голубы,
Как ангельские очи
Неласковой судьбы.

И свет небесной сини
Не может нас не греть.
Пока жива Россия,
Согласно сердце петь.

Душа страдать согласна,
И плакать, и любить...
А значит, не напрасно
Господь судил нам быть!

В жару и холод лютый,
Как ад кромешный чёрн,
Кровавой блудной смутой
Нас искушает чёрт.

Но никакие блудни
С пути нас не собьют,
Пока играют лютни
И лютики цветут.

* * *

О, эта русская рулетка —
Хмельная дикая тоска,
Когда стрелять не надо метко,
Поскольку дуло — у виска.

Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне.
А муза мечется по кругу,
Как мотогонщик по стене.

Есть в мире праведные вещи,
Когда свободный русский стих
По рожам без стеснения хлещет
Хмельных создателей своих.

Бледнеют дружеские лица.
Гордыня плещет через край...
Поэты, как самоубийцы,
Не попадут по смерти в рай.

Их круг сжимается всё уже...
Но будут и в посмертной мгле
Саморасстрелянные души
Смуцать живущих на земле.

* * *

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полаты,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколик, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же — свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя и того тяжелее...»

«Не горюй! — я орлу говорю,
Заклучая по-братски в объятия. —
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распутье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две —
Это Господу Богу едино...»

* * *

Говорю я ему: «Не клонись на зарю».
Только он почему-то не верит.
А известно давно — на земле к сентябрю
Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликал печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджёт,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови.
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы её погорельцы.

Не зальёшь это пламя небесной водой.
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлёт.
И твою красоту он схоронит.
Но не слышит меня молодой тополёк,
На зарю свою голову клонит.

* * *

Ты куда, душа, ходила?
С кем в чужом шалалась сне?
Ты опять, душа, блудила,
Словно кошка по весне.

В том краю тебя, блудницу,
Больше видеть не хотят.

Ты стихи в мою светлицу
Натаскала, как котят.

Хватит их на многотомник.
Не проймёшь тебя никак.
Превратила дом в питомник,
Обратила жизнь в бардак.

Эвон сколько – разной масти...
Их топить не стану я.
Не в моей казнить их власти.
Бог, душа, тебе судья!

В суете ненастных буден
Сквозь безвременье и тьму
Выводить их, сырых, в люди
Предстоит мне одному.

И с меня Всевышний спросит,
Чья безгрешная рука
В них, сердечных, камень бросит
Иль нальёт им молока.

* * *

В пору юности радужной вольной
Меня били, как селезня, в лёт.
И кричали вослед: «Малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт...»

В тихой заводи брэнного мира
Не строчил я святых жития.
Ты прости, малахольная лира,
Что не слишком я холил тебя!

В чистом поле цвели незабудки
Вперемешку с травой полевой...
И бросались с небес мои утки
В тёмный омут любви с головой.

И вода расходилась кругами.
И вертелась кругами земля.
Где-то там, меж двумя берегами,
Заблудилась ты, юность моя!

...Я в иные просторы уехал
На свиданье с великой страной.
Ах, как громко разносится эхо,
Отражённое гладью речной!

Хоть душа и крылатая птица,
Только с горечью думаю я:
«Очень жаль, что нельзя возвратиться
На круги твои, юность моя!..»

Но, блуждая дорожкой окольной,
С необжитого берега шлёт
Всем живущим привет малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт.

ПОЭТ

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.

По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной,

Небритый, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный
Упрямый, шальной человек.

Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.

Так нет же! На лестнице шаткой –
Того и гляди упадёт! –
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.

